

Глава 21. Жизнь прожить...

Аласов долго топтался на пороге учительского общежития. Вот чертовщина! Не знаешь, как вести себя в таком положении. Он даже стал было спускаться вниз по ступеням, но вовремя остановил себя: будь наконец мужчиной! Не хватало, чтобы кто-нибудь увидел из окна эти твои «восемёрки». Давай так: или ты идёшь, или убирайся отсюда.

Уходить ему было нельзя, и потому Аласов, так и не придумав, как он войдёт и что скажет, потянул на себя задубевшую от мороза дверь. Спотыкаясь в темноте о какие-то ящики, прошёл в самый конец коридора, где, как ему растолковали, комната Степаниды Степановны.

Повод для визита был серьёзный — Хастаева уже несколько дней не поднималась с постели, а Сергей Аласов к болезни девушки имел самое прямое отношение.

Случилось так, что их воскресный поход едва не завершился бедой. Было уже довольно поздно, когда лыжники повернули назад. Впереди засветились вечерние огоньки деревни. Аласов остановился у озера, поджидая отставших. Где-то сзади остался дед Лука с лошадьёю — свернул прихватить по пути копёшку сена для своей коровы. Сначала подошла Майя, угрюмая, неразговорчивая. Потом из-за увала показалась Степанида Хастаева в сопровождении многотерпеливого Евсея Филипповича. Сектяев, несмотря ни на что, до конца выполнял распоряжение командира — опекал Хастаеву.

От утренней лихости Стёпы не осталось и следа — она раскисла, ковыляла на лыжах кое-как. Да и Сектяев тоже не излучал оптимизма. Они переругивались.

— О чём спор, молодые люди? — крикнул Аласов как можно веселее. — Чего не поделили?

— Да вот Степанида Степановна всё капризничает...

— Что поделаешь, Евсей Филиппович, такая уж наша мужчинская доля — сносить от них. Опять крепления? Ну-ка, Степанида Степановна, снимите полозья...

Тут-то на другом берегу озера и показался дед Лука со своим сеном. Увидав его, Степанида, как ветром подхваченная ринулась по льду: «Деду-ушка Лука! Стой, тебе говорят! Возьми меня...».

Подняв голову, Аласов похолодел: там, куда неслась, ничего не видя, Степанида, темнела прорубь. Видимо, здесь заготавливали лёд для питья.

— Сто-ой! — завопил Аласов в свою очередь.

Но она всё бежала — прямо к своей гибели. Сбросив лыжи, Аласов кинулся вслед. Когда он достиг проруби, девушка уже барахталась в чёрной воде. Лицо её было безумным.

— Держитесь, Стёпа! Дорогая, держитесь... Подгребайте к краю... — Он тянулся к ней рукой, но не доставал.

«Уйдёт под лёд — и конец», — только и успел подумать Аласов, уже прыгая в прорубь.

Вода прожгла тело, он сделал несколько энергичных гребков, ухватил Степаниду за ворот и потащил туда, где Сектяев и Майя протягивали лыжные палки. Причитая, бегал на полусогнутых ногах у кромки льда дед Лука.

Немало повозившись, их вытащили наконец. Степаниду едва удалось поставить на ноги.

— Бежать надо! Бежать, не стоять! К саням давай, к саням! — Дед Лука уже трусил впереди. Возле саней он мигом развязал быстрик, сбросил верхушку копны, разгрёб яму в сене и швырнул туда овчинный тулуп.

— Забирайтесь, живо! На тулуп, на тулуп! Да живо, будь вы неладны...

Майя содрала с девушки мокрую куртку, набросила на неё свою дублёнку. Степанида так стучала зубами, что Евсей Сектяев даже глаза закрыл.

— Сергей, почему ты стоишь? — накинулась Майя на Аласова. — Быстрее на воз!

— Нич-чего, побегу...

— Я тебе «побегу»! — дед Лука даже кнутом на него замахнулся. — А ну-ка лезь без разговоров!

Сектяев сорвал свою куртку, но Аласов сказал только: «Майе отдай», — и, как давеча в прорубь, нырнул вслед за Степанидой. Лука уже стоял наготове, подняв большой навильник сена. Пострадавших стали заваливать сеном, было слышно, как старик стелил слой за слоем, и даже придавил чем-то сверху. Пахучая тьма будто запечатала не только глаза, но и уши. Сани дрогнули, начало заметно потряхивать.

«Утопленница» не подавала признаков жизни, словно задохнулась в копне.

— Степанида, а, Степанида?

— Здесь... Вот я... — совсем около уха услышал он слабый голос.

— Замерзаете?

— Немного... Да вы весь мокрый. Придвигайтесь ближе. Тут тулуп есть и ещё дублёнка сухая...

Аласов придвинулся, на овчине стало теплее.

— Очень испугались?

— Оч-чень! Вода чёрная... Спасибо вам.

— Что вы, Стёпа... Я сам сдрейфил не меньше вас.

— Милый вы мой. Я ведь люблю вас...

И ни слова больше, только дыхание стало чаще.

Аласов и подумать ничего не успел, только почувствовал — прижалась к нему мягкая девичья грудь, голые руки обвили шею.

— Серёжа, милый, люблю тебя... Хоть убей, хоть презирай, всё равно люблю!

Такая история.

А подумать: разве он давал Степаниде повод? Один бог знает, что стряслось с этой сумасшедшей девкой. В клубе однажды танцевал с ней, было дело. Посмеивался про себя над её побрякушками. Слушал, как она забавно пикируется с директором. Повторялось одно и то же: Фёдор Баглаевич здороваётся со всеми за руку, а Хастаеву окидывает с ног до головы сощуренным оком: «Ладно, так можно. Сегодня терпимо». Это насчёт её косметики. А в другой раз: «Не пойдёт! Перехватила, голубушка». Та по-своему всё комментировала: «Любит старик меня ужасно! От большой любви ко мне. И от ревности». Правда, иногда он ловил на себе её вопрошающий, словно голодный взгляд, но особого значения этому не придавал, — кажется, она на всех мужиков так смотрит. Дело девичье, понятно... И вдруг — такое признание на возу!

— Заходите, пожалуйста. Кто там ко мне?

Аласов не слишком браво переступил порог.

— Ваш единокрестник по ледяной купели...

— Боже милосердный! — Степанида при виде гостя сделала попытку подняться. — Какая милость судьбы — Сергей Эргисович у меня в гостях!

Лицо у Стёпы бледное, странное без обычной косметики.

— Ну, а ваша простуда как?

— Да никак, Степанида Степановна. Хватил по приезде спирта — и в постель. Утром не сразу вспомнил даже, что было...

— Вот видите, как хорошо! Даже не вспомнили...

— Я на минуту, Степанида Степановна. Зашёл по пути, сейчас побегу дальше.

— «Побегу дальше». Прямо как заяц. Уж не кажусь ли я вам серым волком, Сергей Эргисович?

— Рад, что вы шутите, — это добрый знак.

— Раздевайтесь, усаживайтесь, коли к больной пришли. Скажите, вас не Майя ли, случаем, прислала сюда?

— Майя, — не найдясь сразу, простодушно ответил Аласов. — То есть не то чтобы Майя...

— Понятно, — сказала больная. — Любите её?

— Ну, Степанида Степановна! Прямо-таки допрос...

— Ничего, не смущайтесь. Я ведь если и позавидую ей, так от чистого сердца. Она не бежит за любовью, как за курицей по двору. Таким любовь

приносят к ногам. И при этом ещё робко в глаза смотрят... Хотите, развлеку вас, пока вы повинность отбываете? Расскажу, что значит, когда человек за счастьем гоняется. Я ведь, Сергей Эргисович, не всегда такой была...

Тихо, будто самой себе, рассказывает Степанида. Стараясь не шелохнуться, лишней раз не напомнить о себе, слушает её Аласов, примостившись на табуреточке. Он слушает, а сам думает о своём, порой теряя нить её рассказа. Одно только понимает: надо дать ей высказаться, как выплакаться.

— ...Старая сказка про Золушку — сиди и жди своего часа. Протанцуешь с подругой — шерочка с машерочкой, как по-русски говорят, да и всё. А иной раз за весь вечер из угла так и не выйдешь — и стыдно и обидно. Особенно когда вспомнишь, как наряжалась на эти танцы, с какими надеждами летела. Распроклятая девичья доля — сидеть и ждать, когда тебя подберут! Говорят, иные о замужестве не беспокоятся. Враньё! Нет таких! Для любой и всякой нет ничего страшней, как в старых девах остаться, своего ребёночка не понянчить, не ощутить сладость, когда грудью его кормишь... И отчаяние берёт, когда подумаешь, что могут и не взять... Выпускной вечер в институте — вокруг меня парни табуном, а возле моей подружки один только. Но с этим одним у неё свадьба после защиты диплома. А я в деревню Арылах, к чёрту на кулички, одна еду. Потом однажды встаёшь с постели, смотришься в зеркало, а у тебя около рта такая едва заметная чёрточка. Растираешь её, а она только виднее от этого...

«Дьявол возьми, — думает Аласов, — оказывается, и такие ещё трагедии существуют».

— Стёпа, дорогая, — не удержался он, перебил хозяйку, — вы только не думайте, что я ради утешения... Но ваш день ещё придёт. Найдётся настоящий, достойный...

— Знаете что, господин утешитель! Давайте-ка покончим, а? Ауфвидерзейен! Я больная, устала от разговоров!

Аласов не вышел, а выскочил за порог общежития, будто его вышибли под зад коленом. О, дьявол бы тебя забрал! Какую такую сморозил он глупость, что и сам не понял?

А Стёпу жаль. Хоть выдь на бугор да крикни: «Эй вы, парни-мужики, где глаза ваши?» Хоть пострадай за общество да сам на ней женись.

Всеволод Николаевич Левин осматривал свой новый дом. Ровные ряды стеллажей: книги, книги, книги... Собственно, это и есть всё его движимое и недвижимое, накопленное на долгую жизнь. Где-то он вычитал: книги — как люди. Сейчас он шёл вдоль стены, проводя по твёрдым корешкам пальцем, шёл «последним парадом», прощался с книгами, как с людьми. Есть среди них друзья на вечные времена. А есть и такие, что неизвестно, зачем и покупал, зачем держал годами на полке: только взглянешь — во рту кисло.

Недолгий зимний день быстро уходил, в окна засинело. Во дворе гомонила детвора. Там стояли сани, нагруженные книгами, ребяташки таскали всё это добро в дом. Белобрысая колхозная библиотекарьша Тамара руководила переездом, входила в роль хозяйки.

Левин стоял у синеющего окна, не зажигая света. Свежая грань сосновой рамы приятно холодила лоб. Вот он и довёл до завершения задуманное, хоть и хлопотное это дело — обзаводиться домом.

— А что, хозяин здесь?

В прихожей гулко забухали валенки. Всеволод Николаевич поспешно щёлкнул выключателем.

Вслед за колхозным председателем Кардашевским и парторгом Бурцевым сунулись было в открытую дверь ребячьи мордочки, но Кардашевский цыкнул на них и прикрыл за собой дверь.

— С новосельём вас, Всеволод Николаевич!

— Спасибо. Присаживайтесь под новой крышей.

— Отличный дом, — Кардашевский постучал в стену кулаком, потыкал пальцем в пазы, щупая конопатку. — Лиственница сухая, так только старинные дома звенят.

— «Старинные», — проворчал Левин. — Хороший сруб уже диковинкой в деревне стал! Привыкли строить тяп-ляп, трёх лет не проходит — стены в труху...

— Верная критика! — согласился Кардашевский. — Хотя на всё есть объективные причины! Однако вы нам, Всеволод Николаевич, о главном скажите: как вас прикажете понимать?

— Да-да! — заволновался и Бурцев. — Всегда я твоей затее, Всеволод, был первый доброжелатель: человек на старости лет захотел пожить в своём доме. Но при чём тут библиотека? Гляжу, куда-то книги перетаскивают...

Левин безучастно сидел, словно в дрёме. Наконец он отозвался:

— Ай, братцы, бросьте вы это. Или мы с вами дети малые? Неясно вам, что к чему?

— Неясно, Всеволод Николаевич! В том-то и дело, расшиби меня гром!

— Жил-был одинокий человек, — Левин пощупал пальцами свои жёлтые усы. — Состарился вконец. Есть кое-какие сбережения, построил дом, хочет, чтобы в нем была колхозная библиотека... Ведь там даже книгам ни вздохнуть, ни охнуть, не то что людям. Если разложить этот ваш чулан на все грамотные души в деревне — по три квадратных сантиметра выйдет на брата.

— Согласен! — поспешил заверить Кардашевский. — Тоже верная критика. Но вы же знаете наши проекты — новый клуб построить, с библиотекой, спортзал...

— Э, хватит с меня ваших речей! Про клуб я уже лет двадцать слышу. Может, когда-то и построите. А пока, товарищи дорогие, вот вам дом...

Бурцев вздохнул:

— Ты, Всеволод Николаевич, меня прямо под корень сечёшь! Ну, задумал такое мероприятие — что бы поставить в известность? Мы бы массово-воспитательную работу развернули вокруг факта...

— Да-да, — подхватил Левин ему в тон. — Сколько речей можно было произнести! Зоотехник Бурцев совсем бы забросил своих коровёнок. Несчастные детишки сидели бы по углам, заучивая речи, им же, Бурцевым, сочинённые. Нет, право, жаль, нужно было мне заранее...

— Шутки шутками, — возразил Кардашевский, — но, думаю, ничего предосудительного, если люди по такому поводу соберутся.

— И то! — воскликнул ободрённый парторг. — Может, и в самом деле? Вы только взгляните в окно: народ валом валит.

— Эх вы! — укорил их Левин. — Всё-таки взбаламутили людей. А теперь разыгрываете спектакль.

— Вот клянусь! — Бурцев даже в грудь себя ударил. — Честное слово, Всеволод Николаевич!

— Хорошие вести — они с крыльями, — вставил Кардашевский и распахнул дверь: — Входите, товарищи! Все входите...

— С новым домом, Всеволод Николаевич!

— Обмыть не мешало...

— Кому что, а ему только обмыть!

— Болот Ньюкулайабыс, с новосельём вас!

— И нас!

— Вот вам и митинг, товарищи. Прямо-таки негаданно получилось, — сказал председатель. — Как ни сопротивлялся хозяин, а придётся ему выслушивать наши благодарности.

— Дай-ка мне, — попросил из задних рядов тракторист Паша Томмотов. — Расступись, народ, а то испачкаю... Дайте человеку раз в жизни серьёзно высказаться... Я к Всеволоду Николаевичу вот таким шпингалетом пришёл учиться. Почему-то в детстве мечтал олонхосутом стать... Жаль, не получилось, талант не к тому. А сейчас вот как пригодилось бы! О таких людях не скажешь словом, надо песню спеть...

Тут все загомонили. Левин обнял Пашу, что-то сказал ему на ухо — тот засмеялся.

— Простите меня, старика, — сказал Левин, — устал я что-то. Больно много шума получилось. А касательно благодарности, то будет у меня к вам просьба: ходите сюда почаще. Вот тебе, беляночка...

Старик протянул Тамаре-библиотекарше ключи на проволочном кольце, оглянулся ещё раз на книжные стеллажи и стал пробираться к двери:

— До свиданья, всем спасибо за добрые слова...

Слышно было, как Левин грузным шагом сошёл с крыльца.

— А ведь за сердце держится старик! Худо ему стало...

— И проводить не догадались!

— Ахти нас, бежим догоним!

Левин даже испугался, увидев бегущую на него разноголосую толпу.